Репертуар

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва
1 ✕ ХВ 1987

(Реалия-буфф по сказке бременских братьев «Музыканты»)

Спешите!
Спешите!
Спешите!

Только для читателей «Советской культуры» популярные артисты Московского театра имени Ленинского комсомола играют внеплановый спектакль!
В плане комплексного театрального эксперимента!
Цена билета льготная — 6 (шесть) коп.
(см. «СК», стр. 1).

Спешите!
Спешите!
Спешите!

Какое торжество Москва готовит всем
На первый день родившегося года
...Театр! К чему у всех его дверей
Стоит толпа шумящего народа?
Из-под Девичьего, от городских валов,
Сошелся он со всех концов столицы.
Каких нет шапок, шляп на тысячах голов!
Тут слишкомы перчатки, рукавицы,
Тулупы с шубами... Тут люди разных лет!
И стар и мал... Чего же всем им надо!..

НЕТ АНТРАКТА!

Действительно, чего же! Молодой театральный критик Александр Баженов графмовал вопрос совершенно справедливо. В 66-м году (тысяча восемьсот...). Его многоопытный коллега Борис Любимов мысль подразвил в 79-м (тысяча девятьсот...): «А что, собственно, происходит с театром... Зрителя есть, искусства нет — не «промежуток» ли?» — «Накопление сил», — утверждали оппоненты. «Антракт!» — заявили Любимову любители первых рядов партера.

«Когда же наконец 3-й звонок?!» — спросили друг у друга театральные деятели, собравшиеся на учредительный съезд Союза театральных обществ. И вот он раздался!

ПРОГРАММКА

Действующие лица и исполнители:

а) ЧЕЛОВЕК ОТ ТЕАТРА — заслуженный деятель искусств РСФСР Марк ЗАХАРОВ.

б) Почти бременские музыканты:

ОСЕЛ (гитара) — народный артист РСФСР Олег ЯНКОВСКИЙ.

ОХОТНИЧЬЯ СОБАКА (барабан) — заслуженный артист РСФСР Александр АБДУЛОВ.

КОТ (первая скрипка) — Ирина АЛФЕРОВА.

ПЕТУХ (балалайка) — заслуженный артист РСФСР Николай КАРАЧЕНЦОВ.

в) РАЗБОЙНИКИ — народный артист СССР Евгений ЛЕОНОВ, народная артистка РСФСР Инна ЧУРИКОВА, заслуженный артист РСФСР Александр ЗБРУЕВ.

Постановка — заслуженного деятеля искусств РСФСР Марка ЗАХАРОВА.

Сценография Олега ШЕЙНИСИСА (ГАЗЕТНЫЙ ВАРИАНТ ИГОРЯ ЛОСОСИНОВА).

Музыкальное оформление оркестра «Рок-Ателье» под руководством Сергея РУДНИЦКОГО.

ДЕЙСТВИЕ-87

Братья Гримм на гриме не настаивают, на точном следовании классическому тексту — тоже. Больше того, они просто требуют, чтобы время от времени актеры сознательно «выходили из образа», свободно общались со зрителем, несли отсебятину и т. д.

ОЛЕГ ШЕЙНИСИС (навязывает свое видение зрителю). Сцена представляет собой живописные окрестности Ленкома и Театра-студии на улице Чехова. Сложнейшая световая аппаратура установлена на зданиях бывшего ВО, кинотеатра «Россия», магазина «Армения» и филиала МХАТа. Непрестанно валит снег. Зябко. Двери и окна всех близлежащих домов распахнуты настежь — обстановка всеобщей гласности. Шелестит листва. По авансцене снуют троллейбусы 3-го и 23-го маршрутов. Именно городским транспортом вызванают в спектакль популярные артисты. Секундного затемнения сцены, потери бдительности всех и каждого вполне достаточно, чтобы появился Осел.

ЧЕЛОВЕК ОТ ТЕАТРА. **Жил на свете мельник. И был у мельника Осел — хороший осел, умный и сильный. Долго работал Осел на мельнике, таскал на спине кули с мукой, не порождал совершенно никаких негативных явлений — а ту пору такие долго на работе не задерживались. И отправился Осел на полный хозрасчет. Это в его-то годы!**

Сергей РУДНИЦКИЙ. Не на сцене, как бы в недрах партера и бельэтажа, ненавязчиво — музыка. Как бы обволакивает кресла. Весь ночный стан работает на эффект «и-я-а». Кресла сгущаются. Происходит утверждение чего-то обратного известному «мои года — мое богатство». Тишина (полная) — настораживает, тревожит, гнетет. Тема старости честного Осла. Рука реки, одним словом. Композитор Гладков смог бы помочь...

ОСЕЛ. К черту. Не лошадь я в конце концов. Пойду на в Бремен, оформлюсь там уличным музыкантом, включусь в комплексный театральный эксперимент. Быть или не быть...

Олег ЯНКОВСКИЙ (выходит из образа). Давайте скромнее. О себе ни слова. Был тут на днях в кино, сын мой Филипп играл «Сентиментальное путешествие на картошку». Так представляете, ваша честь, пару раз кинокамера высветила в нем такое, чего до сих пор в сыне и не подозревал. Сказал ему, а он заявляет: «А у тебя то фильмов полста...» Держит, значит.

А ведь в этом суть профессии — не бояться откровения. А там... Пусть говорят.

РАЗБОЙНИКИ (вне образа). Но если тема — Осел направился по рекомендации в искусство — по жанру это уже не комедия.

Александр АБДУЛОВ (еще не войдя в образ). Не смею подумать худо о какой-нибудь профессии — все, как говорится, хороши. Но согласитесь, не много среди них таких, где работа от звонка до звонка есть не благо, а горькая неудача. Это ужас, собачья жизнь, если не просыпаться среди ночи и не бормотать на кухне слова из новой пьесы, в лифте, трамвае не бормотать и в магазинной очереди. Нет, это не дай бог.

ЧЕЛОВЕК ОТ ТЕАТРА. **А осел тем временем на пути к искусству, уже пробует интриговать.**

ОСЕЛ. Отчего ты так запыхалась, собака?

СОБАКА (явно преувеличивая). Плохо выгляжу. Боюсь не пройду аттестацию.

ОСЕЛ. Пойдем со мной в эксперимент. Будешь петь и в барабан бить.

СОБАКА. Обременительно, знаешь ли.

ОСЕЛ. Во-во! Бременно трудоустроимся.

СОБАКА. Значит, в Бремен. (Пробует себя). «Барабан был плох!» Старо?

Александр АБДУЛОВ (выходит из образа). В самом выражении «бродячие музыканты» уже есть душевный комфорт.

Сергей РУДНИЦКИЙ. Тогда дадим что-нибудь арбатское, бардов — Окуджаву, например. Можно обратиться к Гладкову.

Александр АБДУЛОВ. Плохо, когда музыканты, артисты перестают бродить.

ОСЕЛ. Колобродить?! Это в смысле...

Александр АБДУЛОВ. Да нет! Пройдите по центральным улицам Москвы после девяти. Тоска. Одни зрители, все с «дипломатами».

Александр ЗБРУЕВ (пока вне образа). Родился на Арбате. Где он теперь, старый Арбат? Где малышня на снежных горках Гоголевского бульвара? Даже в погожие летние дни старушки с внучатами появляются там все реже и реже. Переехали старушки. В их домах обосновались всевозможные учреждения. До шести их сотрудники сидят за письменными столами. Позже — мчатся куда-то далеко. (Туда же, где живут теперь старушки). Плохо это, что в самых заповедных уголках нашего замечательного города люди теперь только работают. Не живут.

Александр АБДУЛОВ. А представляете, если бы через дом — кафе, театр-студия, молодежный клуб. Если бы на Тверском бульваре — летняя эстрада, где поэзия и музыка. Сколько бы улыбок прибавилось на городских улицах!

Плохо без бродячих музыкантов.

ЧЕЛОВЕК ОТ ТЕАТРА. **Шли они, шли и вдруг видят: сидит на дороге Кот, печальный весь и невеселый.**

ОСЕЛ. Пойдем с нами, Кот. Будешь петь да на скрипке играть. «Под музыку Вивальди...»

КОТ (перебегая дорогу). Адекватно. Пойдем.

Инна АЛФЕРОВА (покинув образ). Между прочим, я действительно Кот. Да, как и Олег Ефремов, Георгий Товстоногов и Михаил Ульянов.

ОСЕЛ. Ничего себе компашка подобралась.

Ирина АЛФЕРОВА (без образа). А по восточному календарю (почему об этом забыли?) год зайца сознаешь с годом кошки. Так что прошу потесниться!

Побольше бы красивого, душевного и доброго. Регламента много. Слов много. И суеты. Куда-то уходит потребность гулять самому по себе, остановиться на миг и прислушаться, всмотреться, молча порадоваться. Работать с этим интереснее, жить легче. Зажигую туристам, умеющим ходить по земле. Они ведь всем нам помогают — своим спокойствием, ненавязчивой мудростью. Их глаза так легко отличить в зрительном зале.

ЧЕЛОВЕК ОТ ТЕАТРА. **Шли они, шли. И вдруг слышат «Ку-ка-ре-ку». Значит, петух.**

Олег ШЕЙНИСИС. Надо дать сразу ощущение утра и вечера.

Сергей РУДНИЦКИЙ. Тогда, конечно, Гладков.

КОТ. Может, зеба, Петух, кто-нибудь обиделся?

ПЕТУХ. Меня сожрать хотят. В полдневные. На первое, на второе, на третье.

ОСЕЛ. Января? Козлы.

СОБАКА (она все еще относится к театру, как к храму). Пойдем с нами, Петух. Станиславский говорил, что талант — это сила жить.

ПЕТУХ. В условиях эксперимента? В Бремен!

Николай КАРАЧЕНЦОВ (ушел от образа). Считается, что наш театр благополучный. (Пытается бороться с комплиментарностью в критике). И я так считаю.

Сергей РУДНИЦКИЙ. Здесь если не Гладков, то, пожалуй, Рыбников. На «Авось» — и «Юнона» пройдет.

Николай КАРАЧЕНЦОВ. А удовлетворительное самочувствие в творческом коллективе — дело трудодостижимое. Увы, это так. Театрального эксперимента, тем более комплексного — боюсь. Мне кажется, что куда как легче экспериментировать на сцене, чем в жизни. От последнего нас долго отучали. Очень хочется, чтобы все болячки остались за пределами минувшей новогодней ночи. Да только вряд ли. Скорее всего многие из них перейдут в год новый. И будет так до тех пор, пока каждый не излечит себя самого. Излечит — поправится здоровье всех. И театральное здоровье улучшится: не будет у актеров свободного времени, пустого зрительного зала никогда не будет, а после спектакля не будет скучных лиц.

ЧЕЛОВЕК ОТ ТЕАТРА. **Шли они, шли, и настала ночь. Осел и Собака решили звезд с неба не хватать — легли под большим дубом. Кот сел поближе к начальству — на ветку, премьер-петух взлетел на самую верхушку дерева, и стали они избирать художественный совет.**

ОСЕЛ. Голосуем открыто или тайно?

СОБАКА. Ночь на дворе. Ничего не видно.

ОСЕЛ. Значит, можно открыто.

ЧЕЛОВЕК ОТ ТЕАТРА. **Собака проявляла самоотвод. Прокукарекал против своей кандидатуры Петух. Кот выпустил когти, не увидев в списке свое имя. «И-я-а скромный», — прокричал Осел.**

ОСЕЛ (упрямо). Все прошли единогласно.

ЧЕЛОВЕК ОТ ТЕАТРА. **Замерцал поодаль огонек. Вышел худсовет на поляну — дом стоит. Скромный Осел заглянул в окошко.**

ПЕТУХ. Что ты там видишь, Осел?

ОСЕЛ. Люди. Хорошо сидят! И поют что-то не наше...

ПЕТУХ. Управление культуры?

ОСЕЛ. Разбойники!!!

Сергей РУДНИЦКИЙ. Ну просто рок какой-то! Не обойтись без GLADKOWA.

Евгений ЛЕОНОВ (на пороге дома и образа). В этом-то и вся беда — в какой-то момент мы совершенно перестали отличать разбойников от нормальных людей. Больше того, надевали на этих нормальных маски зверей, заставляли кукарекать отнюдь не на рассвете, прощали «котам», разучившимся ловить мышей. Что из этого получилось?

ЧЕЛОВЕК ОТ ТЕАТРА. **Только не надо выходить с микрофоном в зал!**

Олег ЯНКОВСКИЙ (тоже не в образе). Написал бы кто-нибудь из теоретиков, что совесть — это одно из выразительных средств театра. Критерий профессионального мастерства артиста, любого специалиста. Попробовали бы не согласиться! Тогда бы и не пришлось говорить о «диктатуре совести». Я вообще за то, чтобы этот очень дорогой для меня спектакль недолго сохранялся в репертуаре. Чтобы в самое ближайшее время вся его проблематика оказалась днем вчерашним — изжитым, но осмысленным, научившим очень важному людей сегодняшних. «Диктатура совести» — это должно быть не названием спектакля, а просто синонимом слова «жизнь».

Инна ЧУРИКОВА (не в образе, конечно). Говорят, что искусство должно опережать жизнь. Подсказывать, вести, предупреждать. Хочу уточнить, по-моему, опережать оно должно в гораздо большей степени, чтобы в реальном сегодняшнем дне быть избавленным от необходимости играть в злободневность и актуальность, переделывать якобы в драматургию газетную публицистику (тоже часто якобы публицистику), создавать произведения, повод для которых исчезнет с петушиным криком завтрашнего утра. Прекрасное должно быть величаво! Художник не может быть торопливым репортером. Он — академический исследователь, философ, пророк. Так было всегда в пору расцвета искусства. Так и должно быть сейчас — стоит ли выходить на сцену, если в это не верить?

ЧЕЛОВЕК ОТ ТЕАТРА. **Бродячие музыканты ломятся в открытые двери.**

ПЕРВЫЙ РАЗБОЙНИК (поет). «Серебряная свадьба», негаснущий костер...

ПЕТУХ. Текст визировали? «Говоря...»

ВТОРОЙ РАЗБОЙНИК. А если нет, то что, накукарекаешь?

СОБАКА (одноначально). «Статья».

ПЕРВЫЙ РАЗБОЙНИК (потупив глаза). Визировал...

ТРЕТИЙ РАЗБОЙНИК (восхищенно). Прав Пагаваши: как надо чувствовать, чтобы заставить чувствовать других!

ОСЕЛ. Значит, вы не разбойники!

ВТОРОЙ РАЗБОЙНИК (Ослу). А ты — «рыжая кобыла с колокольчиком».

ОСЕЛ. Грубо. Критика должна быть художественной.

КОТ (разбойникам): Может, в Бремен махнем?

ВТОРОЙ РАЗБОЙНИК (первому шепотом): «Лебушка № 40».

ТРЕТИЙ РАЗБОЙНИК. Пойдем (сквозь зубы, иронически), «братья и сестры»...

ЧЕЛОВЕК ОТ ТЕАТРА. **А утром следующего дня под петушиную блажь разбойники были введены в состав худсовета, которому отныне суждено осуществить полную и абсолютную власть. Без его санкции невозможно теперь увольнять зарвавшегося разбойника, даже если профком не возражает. Наконец-то бродячие музыканты наедятся до отвала — необходимые им цены на билеты установит тоже худсовет. И он же взвалит на себя бремя приемки спектакля, так что и о проблемах творческих можно не волноваться.**

С чувством исполненного долга вся музыкальная компания с легким сердцем вступила в экспериментальный год зайца.

Братья ГРИММ. «...Кто эту сказку последний сказал, все это своими глазами видел».

ЧЕЛОВЕК ОТ ТЕАТРА. **Так говорил «Тот самый Мюнхгаузен».**

Сергей РУДНИЦКИЙ. Или Гладков?

Олег ШЕЙНИСИС. Улица Чехова залита щедрым январским солнцем. Раскаты первого грома попадают в громоотвод, что на магазине «Армения». По взмаху милицейского жезла разрушаются здания старинной постройки, и срочно объявляется конкурс на проект их восстановления. На Бульварном кольце вырубаются вековые деревья, мешающие посадке зеленых насаждений.

Сергей РУДНИЦКИЙ. Из громкоговорителей, застрявших в сугробах автомобилей ГАИ, доносится песня Геннадия Гладкова на слова молодого критика Александра Баженова:

Господи и господа!
Пригласили вас сюда,
Чтоб решить вопрос нам спорный,
Сообщить отрадный факт:
Превращается Антракт...

ЧЕЛОВЕК ОТ ТЕАТРА. **В редакцию «Советской культуры» летит телеграмма: ЗАДЕРЖИВАЮСЬ ВЫХОДОМ НА РАБОТУ ПРИЧИНЕ ПРЕМЬЕРЫ СПЕКТАКЛЯ ТЧК ДЕЖУРНЫЙ ПОМОЩНИК РЕЖИССЕРА**

В ТЧК ПОТАПОВ ТЧК

Занавес.